ижномъ магазинѣ „ПРОВИНЦІЯ“, Стремянная, 6.

И. Сиговъ.

Аракчеевскій соціализмъ.

Докладъ О ХЛѢБНОЙ МОНОПОЛІИ, заслушанный Вольно-Экономическимъ Обществомъ 25 Мая 1917 года.

„Россія... удивительная страна, въ которой ничего нѣтъ потому, что всего слишкомъ много“ (изъ рѣчи Бетманъ-Гольвега).

Цѣна 45 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. П. Гершунина, Коломенская, 43.
1917.

О хлѣбной монополіи

I.

Къ системѣ принудительныхъ мѣръ въ продовольственномъ дѣлѣ, завершившейся хлѣбной монополіей, мы пришли совершенно случайно, нисколько въ ней не нуждаясь и не имѣя никакихъ основаній для установленія этой системы.

Прежде всего нѣтъ для нея главнѣйшей предпосылки—нѣтъ недостатка продуктовъ. Вотъ что говорятъ цифры Особаго Совѣщанія *).

Послѣдній урожай далъ:

ржи	1.181.209	тыс. пуд.
пшеницы	683.243	„ „
	1.864.452	тыс. пуд.

Осталось отъ прежнихъ урожаевъ:

ржи	333.373	тыс. пуд.
пшеницы	535.190	„ „
	868.563	тыс. пуд.

Итого . . . . 2.733.015 тыс. пуд.

Годовая потребность опредѣляется:

ржи	въ 1.108.426	тыс. пуд.
пшеницы	„ 731.928	„ „
	1.840.354	тыс. пуд.

Избытокъ запаса надъ потребностью, выражающійся 892.661 тыс. п., нѣсколько уменьшится, если народное потребленіе нынѣ, согласно существующему мнѣнію, увеличилось противъ прежнихъ лѣтъ. Если допустить, что потребленіе могло увеличиться на 20% или на 360 милл. п., то придется признать, что избытокъ ржи и пшеницы не превышаетъ 432 милл. пуд.

*) Заимствую цифры изъ статьи „Ошибки власти въ продовольственномъ дѣлѣ" („Промышленность и Торговля", 1917 г., № 6).

Можетъ быть, въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что внутри Россіи остался за всѣ 3 года войны весь ячмень, отправлявшійся въ Германію ежегодно въ количествѣ до 350 милл. пуд. и болѣе.

И такъ даже изъ „осторожныхъ" цифръ Особаго Совѣщанія видно, что нѣтъ у насъ недостатка въ хлѣбѣ. Но это еще болѣе явствуетъ изъ того, что теперь, въ концѣ мая, т. е. за 2—2½ мѣсяца до новаго урожая, мы все еще живы и даже сыты. А это означаетъ, что запасы хлѣба очень велики въ странѣ, если даже при существующей небывалой неравномѣрности распредѣленія продовольственныхъ продуктовъ ихъ пока хватаетъ всюду. Однако, если бы недостатокъ и былъ, то онъ диктовалъ бы намъ прежде всего нормировку потребленія, а не нормировку цѣнъ и отнюдь не монополію хлѣбной торговли.

Недостатка продуктовъ у насъ нѣтъ. Напротивъ, запасы хлѣба очень велики, можетъ быть, столь большихъ запасовъ еще никогда не бывало внутри страны. И все-таки намъ угрожаетъ голодъ. И не только угрожаетъ — онъ уже приближается, и наступленіе его, повидимому, теперь уже неотвратимо. Голодъ грозитъ намъ только потому, что большинство хлѣба урожая этого и предыдущихъ лѣтъ *до сихъ поръ* остается разсыпаннымъ по всей странѣ и до сихъ поръ лежитъ у производителей, а не въ складахъ закупочныхъ организацій.

Произошло это оттого, что хлѣбъ нынѣ не былъ сосредоточенъ въ центрахъ хлѣбной торговли, о чемъ раньше заботился оптовый частно-торговый аппаратъ, нынѣ разрушенный.

Зловѣщіе признаки продовольственной разрухи появились еще въ началѣ 1916 г. Они тревожили всѣхъ, только одно правительство оставалось къ нимъ глухо и слѣпо, продолжая свою нелѣпую политику въ продовольственномъ дѣлѣ, которая съ каждымъ днемъ ухудшала положеніе и приближала къ катастрофѣ.

Конечно, исторія продовольственной разрухи извѣстна всѣмъ. Я напомню только важнѣйшіе моменты процесса разложенія нормальныхъ условій торговли и наростанія хаоса въ продовольственномъ дѣлѣ.

По нѣкоторымъ бюрократическимъ соображеніямъ, а главное для удобства контроля, съ первыхъ же шаговъ дѣятельности уполномоченныхъ Министерства Земледѣлія по заготовкѣ продовольственныхъ продуктовъ для арміи цѣна каждаго вида хлѣба опредѣленнаго качества назначалась одна на цѣлую губернію съ такимъ расчетомъ, чтобы она вездѣ была нѣсколько выше рыночной. Благодаря этому, въ теченіе нѣкотораго времени затрудненій въ закупкахъ хлѣба уполномоченными, конечно, не было. Но рыночныя цѣны догнали, а затѣмъ и перегнали цѣны, объявленныя уполномоченными, которые оказа-

лись тогда въ большомъ затрудненіи: хлѣбъ къ нимъ перестали подвозить совершенно. Поэтому, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, они стали реквизировать хлѣбъ вездѣ, гдѣ могли: на складахъ оптовиковъ, на мельницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и другъ у друга. Началась вакханалія реквизицій, вносившая панику, путаницу и разстройство въ мѣстную торгово-промышленную жизнь. Однако хлѣбная торговля еще держалась, благодаря эластичности своей организаціи и неповоротливости уполномоченныхъ. Но конкуренція частныхъ оптовыхъ хлѣбныхъ торговцевъ вскорѣ была признана недопустимой, и для устраненія таковой съ удивительнымъ легкомысліемъ по распоряженію мѣстныхъ губернаторовъ послѣдовали запрещенія вывоза хлѣба изъ одной губерніи въ другую, при чемъ таможенныя рогатки между губерніями, конечно, лишили оптовиковъ возможности продолжать свои операціи, принудили ихъ прекратить дѣло и сдать заготовленный ими хлѣбъ уполномоченнымъ. Уже къ веснѣ 1916 года заготовокъ хлѣба у оптовиковъ почти не было, и въ теченіе послѣдней навигаціи воднымъ путемъ, по крайней мѣрѣ, въ системѣ Волги, хлѣбъ почти не перевозился.

И такъ, — легкомысленное вмѣшательство старой власти въ экономическія отношенія населенія окончательно разрушило частную торговлю продовольственными продуктами въ странѣ, расшатанную разстройствомъ транспорта и злоупотребленіями агентовъ власти. Но правительство, повидимому, не понимало всего значенія происшедшаго, продолжая смѣло нагромождать одну неосмысленную мѣру на другую.

Разрушивъ частно-торговый оптовый аппаратъ, правительство самонадѣянно взяло на себя функціи этого аппарата и смѣло приступило къ организаціи хлѣбныхъ заготовокъ для арміи и населенія. Съ этою цѣлью оно прежде всего установило (9 сентября 1916 г.) обязательныя для производителей „твердыя“ цѣны на рожь, пшеницу, муку, овесъ и нѣкоторые другіе продовольственные продукты и фуражъ, по которымъ сами производители должны были доставлять эти продукты на станціи и пристани для сдачи уполномоченнымъ. По каждому хлѣбу была объявлена одна общая цѣна на каждую губернію. Для опредѣленія этихъ твердыхъ цѣнъ запрашивались отъ земствъ и мѣстной администраціи особыя свѣдѣнія о себѣстоимости хлѣбовъ; но фактически здѣсь, въ центрѣ съ этими свѣдѣніями считались мало, причемъ почти вездѣ твердыя цѣны были назначены ниже вычисленной на мѣстахъ себѣстоимости. Такое отношеніе къ свѣдѣніямъ съ мѣстъ установилось, отчасти благодаря обнаруженному по нѣкоторымъ дворянскимъ губерніямъ преувеличенію въ вычисленіяхъ себѣстоимости хлѣбовъ. Но въ сущности эти случаи были только поводомъ. Главнѣйшей же причиной понижательной тенденціи въ опредѣленіи твердыхъ хлѣбныхъ

цѣнъ было стремленіе какъ Совѣщаній при Министерствѣ, такъ и общественныхъ организацій здѣсь въ центрѣ, а также группъ интеллигенціи, имѣвшихъ вліяніе на рѣшеніе этого вопроса, путемъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, насколько возможно, сдержать ростъ общей дороговизны.

II.

На засѣданіи Особаго Совѣщанія по продовольствію 2 сентября 1916 года, когда рѣшался вопросъ о твердыхъ цѣнахъ, выступили съ особымъ мнѣніемъ въ смыслѣ необходимости дальнѣйшаго пониженія цѣнъ представитель Городского Союза Громанъ, Земскаго—Рѣзвый и членъ Государственной Думы Воронковъ.

На этомъ засѣданіи представитель Министерства Финансовъ Е. И. Смирновъ такъ аргументировалъ необходимость установленія возможно пониженныхъ цѣнъ: „Всѣ цѣны на предметы необходимости и обихода представляютъ замкнутый кругъ, и стоитъ сдѣлать въ какой-нибудь точкѣ поступательный толчекъ, чтобы всѣ точки отодвинулись, одна будетъ толкать другую и, вернувшись, толкнетъ первую—исходную. То же самое происходитъ и съ хлѣбомъ: если цѣна будетъ увеличена на хлѣбъ, то это увеличеніе падетъ на другой продуктъ, на третій и далѣе и въ концѣ концовъ цѣна поднимается на тотъ же хлѣбъ...“ *).

Въ соединенномъ засѣданіи Особыхъ Совѣщаній 8 сентября уполномоченный представитель Городовъ Громанъ, по словамъ репортера „Городского Дѣла“, будто бы на основаніи „строго научнаго метода доказалъ“, что не слѣдуетъ повышать цѣнъ противъ прежнихъ болѣе, чѣмъ на 5% для ржи, и болѣе, чѣмъ на 13% для пшеницы. Въ защиту этого предложенія Громана, какъ сообщалось въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, произнесъ большую рѣчь А. И. Шингаревъ, обратившись „съ горячимъ призывомъ“ къ землевладѣльческой группѣ „подчинить свои классовые интересы общимъ государственнымъ нуждамъ и тѣмъ способствовать побѣдоносному окончанію войны“ (Р. В. № 209).

Печать, какъ извѣстно, за очень немногими исключеніями, громко и рѣзко говорила тогда о необходимости мѣръ противъ возрастанія хлѣбныхъ цѣнъ. „Лѣтопись“, напримѣръ, утверждала, что „первое условіе удешевленія жизни вообще и издѣлій промышленности въ частности—это пониженіе цѣнъ на продукты питанія. Дешевые хлѣбъ, мука, яйца, мясо, птица, корма, сейчасъ же вызовутъ пониженіе стоимости рабочей силы или остановятъ приростъ заработной платы и удешевятъ въ дальнѣйшемъ издѣлія промышленности“ (стр. 314). Но

*) Цитирую по „Городскому Дѣлу“ (1916 г., № 18).

особенно, говоритъ „Лѣтопись“, играютъ „командную“ роль цѣны на хлѣбъ: по цѣнамъ ихъ строятся всѣ прочія цѣны.

„Рѣчь“ (№ 271) уже тогда высказывалась за казенную хлѣбную монополію. Высказались за нее Совѣщаніе у П. Б. Струве, Совѣщаніе при уфимскомъ уполномоченномъ и проч. При этомъ многіе ссылались на Германію, съ которой будто бы намъ надо было давно взять примѣръ, причемъ „Русск. Вѣд.“ указывали на то, что хлѣбъ въ Германіи сталъ на 3-й годъ войны чуть ли не дешевле, чѣмъ до войны.

15 октября Общество изученія Городского хозяйства высказалось уже совершенно прямо и неприкровенно „*за противопоставленіе началу свободной торговли не твердыхъ цѣнъ, стоящихъ изолированно, а начала принужденія въ дѣлѣ полученія хлѣба отъ его производителей* (курсивъ мой, И. С.) и, во 2-хъ, за необходимость „пониженія твердыхъ цѣнъ (двукратнаго и трехкратнаго)“, начиная съ января, марта и весны („Городское Дѣло“, 1916 г., 1 ноября).

Совѣтъ Вольнаго Экономическаго Общества осенью 1916 года съ участіемъ въ качествѣ гостей многихъ общественныхъ дѣятелей единогласно, при одномъ воздержавшемся, призналъ по докладу Громана неосновательными и незаслуживающими вниманія заявленія о неправильномъ вычисленіи твердыхъ цѣнъ и высказался противъ какого-либо повышенія ихъ.

Въ общемъ создавалось настроеніе неблагопріятное для крестьянина. Въ нѣкоторыхъ газетахъ начинали даже появляться сообщенія и замѣтки, изображавшія мужика спекулянтомъ, вздувающимъ хлѣбныя цѣны и угрожающимъ жизненнымъ интересамъ городовъ. При этомъ очень много говорилось о перенасыщеніи деревни деньгами, которыхъ будто бы тамъ такъ много, что деревня не знаетъ, куда ихъ дѣвать, и потому производитъ ненужныя, глупыя и смѣшныя траты на предметы роскоши, гастрономіи и дорогіе наряды. На эту тему много разсказывали курьезовъ и дѣлали изъ всего этого тотъ выводъ, что отъ мужика теперь хлѣбъ ни при какихъ цѣнахъ не получишь никакими мѣрами, кромѣ принудительныхъ. Посмотримъ, насколько же все сіе соотвѣтствовало дѣйствительности, а для этого обратимся къ фактамъ. Изъ нихъ, дабы на обременять вниманія читателя, ограничусь немногими.

III.

До установленія Министерствомъ въ сентябрѣ 1916 года твердыхъ цѣнъ базарныя цѣны на хлѣбъ почти всюду стояли сравнительно на умѣренной высотѣ и рѣзко поднялись только послѣ опубликованія твердыхъ цѣнъ, конечно, подъ вліяніемъ также и наступившей распу-

тицы. Такъ Суражское Черниговской губерніи чрезвычайное Земское Собраніе въ августѣ 1916 года въ соотвѣтствіи съ существовавшими тогда мѣстными условіями высказалось за установленіе твердой цѣны на рожь въ 1 р. 85 коп. франко-амбаръ, а послѣ опубликованія твердыхъ цѣнъ на базарахъ Черниговской губерніи ржаная мука продавалась мѣстами уже по 3 р. за пудъ („Черниговская Недѣля", 1916 г., № 41).

Въ Пермской губерніи ржаная мука въ августѣ продавалась („Пермская Недѣля", 1916 г., № 40):

въ г. Красноуфимскѣ . .	по 1 р.	65	коп.	за пудъ
„ с. Ачитскомъ	„ 2 „	—	„	„ „
„ Артинскомъ зав. . .	„ 1 „	70	„	„ „

А въ сентябрѣ — октябрѣ базарныя цѣны на ржаную муку почти удвоилось, при чемъ она продавалась („Пермская Недѣля", 1916 г., № 41):

въ г. Красноуфимскѣ	(30 сент.) . .	по 3 р.	20	коп.
„ Артинскомъ зав.	(1 октября) . .	„ 3 „	70	„
„ Бисертскомъ „	(2 октября) . .	„ 3 „	10	„
„ Оханскѣ	(1 октября) . .	„ 3 „	—	„

Въ Рязанской губерніи іюньскую 1916 года среднюю базарную цѣну „Вѣстникъ Губ. Земства" (1916 г., № 10—11) опредѣлялъ (стран. 7) въ 1 р. 28 коп., а послѣ опубликованія твердыхъ цѣнъ базарныя цѣны (въ первой половинѣ октября) на ржаную муку поднялись:

въ Рязани	до 2 р.	68	коп.
„ Егорьевскѣ	„ 2 „	90	„
„ Починкахъ (Егорьевск. у.) . . .	„ 3 „	—	„
„ Зарайскѣ	„ 2 „	20 к.—4 р.	

Въ г. Богородскѣ Нижегородской губерніи зимой 1916 г. ржаная мука продавалась по 6 р. за пудъ, а въ с. Воскресенскомъ Костромской губерніи въ февралѣ этого года—по 6 р. 70 к. („Извѣстія Костр. Земства", 1917 г., вып. 9) и т. д.

Конечно, нѣтъ нужды доказывать, что не крестьяне повинны въ этомъ бѣшеномъ ростѣ хлѣбныхъ цѣнъ. „На деревню со всѣхъ сторонъ", говоритъ „Вѣстникъ Пензенскаго Земства" (1916 г., № 41), „сыплются обвиненія въ томъ, что она создаетъ дороговизну сельскохозяйственныхъ продуктовъ". „Но факты текущей дѣйствительности не только не даютъ матеріала для подтвержденія этого тяжелаго обвиненія, но говорятъ какъ разъ обратное". Даже при прежнихъ цѣнахъ (1 р. 55 к.) пшеничная мука „бокъ о бокъ съ Саратовской гу-

берніей у насъ, въ губерніи Пензенской продавалась по 25—28 рублей за мѣшокъ", при чемъ „на Пензенскомъ рынкѣ искусственно поддерживался недостатокъ муки". Въ результатѣ сельскіе хозяева „получали за пудъ пшеницы 1 р. 55 коп., а потребитель уплачивалъ за тотъ же пудъ 5 р.—5 р. 60 коп. т. е. болѣе чѣмъ втрое".

Нельзя сказать, чтобы реализація урожая 1916 года была поставлена въ выгодныя условія для производителей хлѣба. При выработкѣ твердыхъ цѣнъ таковыя были установлены не безъ борьбы, но борьба эта, какъ извѣстно, кончилась не въ пользу производителей хлѣба. Восторжествовала потребительская точка зрѣнія, близорукое, эгоистическое отношеніе къ вопросу горожанина - потребителя, преслѣдующаго свои ближайшія выгоды. При этомъ во многихъ случаяхъ съ производителемъ хлѣба было поступлено явно несправедливо. Ограничусь двумя примѣрами.

Пензенская Губернская Земская Управа въ результатѣ особаго изслѣдованія опредѣлила расходы на 1 десятину ржи въ 112 руб., а среднюю урожайность въ 70 пудовъ. Такимъ образомъ, себѣстоимость ржи безъ доставки опредѣлилась въ 1 р. 60 к. Твердую цѣну (съ доставкой) Губ. Земство исчислило въ 2 р. 08 к. Совѣщаніе же при уполномоченномъ Министерства Земледѣлія исчислило твердую цѣну въ 1 р. 55 к. Министерство установило ее въ 1 р. 52 коп.

Лично мнѣ болѣе извѣстны условія восточныхъ губерній Европейской Россіи и особенно Вятской, по отношенію къ которой я имѣлъ возможность разбираться въ дѣлопроизводствѣ и матеріалахъ Губернской Земской Управы.

Для губерній Вятской, Пермской (кромѣ Зауралья), Казанской и Уфимской твердая цѣна на рожь натуры 114 золотниковъ и влажности 15% была опредѣлена франко-станція или франко-пристань въ 1 р. 42 коп. за пудъ. Однако поступавшій здѣсь въ продажу хлѣбъ имѣлъ влажность значительно выше кондиціонной. Въ Вятской губерніи ее опредѣляли для сыромолотной ржи отъ 17 до 22%. Соотвѣтственно этому цѣна по установленнымъ нормамъ понижалась до 1 р. 30 к.—1 р. 22 к., но и эта цѣна представлялась далеко не окончательной: изъ нея надо было вычесть стоимость доставки хлѣба на пристань или станцію, которыя могутъ находиться и вблизи, и на разстояніи десятковъ, а то и сотни верстъ.

Между тѣмъ по расчету статистическаго отдѣленія Вятской Губернской Управы еще до окончанія уборки хлѣба послѣдняго урожая себѣстоимость ржи въ среднемъ по губерніи опредѣлялась въ 2 р. 12 к. на мѣстѣ производства, т. е., въ амбарѣ крестьянина. Послѣ этого исключительно неблагопріятныя условія уборки сократили ожи-

давшійся урожай, удорожили уборку и, стало быть, еще увеличили вычисленную Земствомъ себѣстоимость ржи.

Нормируя цѣны на хлѣбъ, продовольственные продукты и фуражъ, Правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ спекуляціи и безудержнаго повышенія цѣнъ на всѣ остальные предметы торговли, а въ томъ числѣ и на хлѣбъ. При такихъ условіяхъ ждать добровольнаго привоза по твердымъ цѣнамъ большого количества хлѣба было невозможно. Отсюда механически возникла идея обязательной хлѣбной разверстки, которая явилась послѣднимъ актомъ бюрократическаго творчества, давшимъ при всемъ напряженіи произвола и насилія ничтожные результаты въ смыслѣ усиленія заготовки и принесшимъ деревнѣ много зла, неправды и раззоренія. Какъ извѣстно, была опредѣлена общая потребность въ хлѣбѣ арміи и населенія. Полученное въ результатѣ вычисленія количество пудовъ Министерствомъ разверстано было по губерніямъ, въ губерніяхъ (земствомъ и губернской администраціей)—по уѣздамъ и въ уѣздахъ—по волостямъ. Далѣе исторія молчитъ. Какъ разверстывался подлежавшій выколачиванію хлѣбъ между сельскими обществами и въ обществахъ—между дворами, остается совершенно неизвѣстнымъ. Извѣстно лишь, что отказались произвести разверстку Губернскія Совѣщанія 4-хъ губерній, въ 17 губерніяхъ Совѣщанія согласились лишь на частичное удовлетвореніе требованій или разверстали только теоретически. Полностію же произвели разверстку Губернскія Совѣщанія 9 губерній. Въ уѣздахъ полностію произвели разверстку Уѣздныя Совѣщанія только 5 уѣздовъ; а изъ волостныхъ Совѣщаній полностію произвели разверстку только въ 2 уѣздахъ 29 волостей.

Такимъ образомъ, даже и при старомъ режимѣ, когда царское правительство не стѣснялось мѣрами принужденія и насилія, обязательная разверстка хлѣба (столь родственная по духу и по сущности теперешней хлѣбной монополіи) провалилась съ трескомъ. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить въ деревняхъ повальные обыски и повсюду отбирать хлѣбъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Но на такую прямолинейность едва ли рѣшилось бы даже и царское правительство.

IV.

Прежде чѣмъ говорить о продовольственной программѣ смѣнившаго старую власть Временнаго Правительства, надо нѣсколько остановиться на выясненіи того, въ чемъ же заключается главнѣйшая задача момента, значеніе которой, можетъ быть, столь велико, столь необычайно, что она скоро заслонитъ собой всѣ другія задачи. Ко-

нечно, мы прекрасно знаемъ ее, эту задачу момента, которая тщетно ждетъ своего рѣшенія съ осени прошлаго года. Эта задача—хлѣбная заготовка, извлеченіе хлѣба отъ производителей его и транспортированіе къ мѣстамъ потребленія. Казалось бы, вотъ именно эта задача и должна была приковать къ себѣ вниманіе Министерства, привлечь всѣ его силы, потому что если не удастся извлечь хлѣбъ отъ производителей, то придетъ голодъ, который принесетъ развалъ государства и пожретъ добытую народомъ свободу. Чѣмъ же можно извлечь хлѣбъ изъ амбара крестьянина? Конечно, только установленіемъ хорошихъ, выгодныхъ для него цѣнъ.

Прежнія твердыя цѣны были убыточны для крестьянина, онѣ находились въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ условіями жизни и цѣнами на другіе предметы народнаго потребленія. Ясно, что ждать большого привоза хлѣба по этимъ несправедливымъ низкимъ цѣнамъ было нельзя. Даже Риттихъ понялъ это и пытался нѣсколько исправить положеніе: онъ платилъ крестьянамъ за провозъ хлѣба до пристаней и станцій, хотя твердыя цѣны назначались франко-станція-пристань, за что подвергался, какъ извѣстно, рѣзкимъ нападкамъ. Я самолично слышалъ горячую рѣчь подлиннаго русскаго интеллигента-соціалиста, который, перечисляя поистинѣ ужасныя преступленія стараго правительства, въ числѣ этихъ преступленій указалъ и на то, что Правительство „не останавливалось даже передъ колебаніемъ твердыхъ хлѣбныхъ цѣнъ".

Конечно, первымъ дѣйствіемъ Временнаго Правительства должно было быть, во 1-хъ, увеличеніе хлѣбныхъ цѣнъ. Во 2-хъ, Правительство должно было призвать къ дѣлу заготовокъ силы самого крестьянства, которое сумѣло бы организовать и привозъ хлѣба, и взаимный контроль за сдачей Правительству всѣхъ излишковъ. Все дѣло, если бы оно было такимъ образомъ направлено, было бы сдѣлано быстро, съ подъемомъ, энтузіазмомъ (дѣйствительно, встали бы „небужены, вышли непрошены"), безъ лишнихъ треній и путаницы.

Вышло, однако, совсѣмъ не то. Правительство увеличило твердыя цѣны въ среднемъ на 60%, но по настоянію Громана они были назначены опять франко-станція, франко-пристань, а благодаря этому для дальнихъ мѣстностей, какъ разъ именно для тѣхъ, откуда хлѣбъ всего менѣе извлеченъ, цѣны оказались сильно пониженными. Вотъ что 13 апрѣля телеграфировалъ мнѣ Комиссаръ Вятской губерніи (онъ же Предсѣдатель Губернской Управы) П. И. Паньковъ:

„Сего числа мною телеграфировано Министру Земледѣлія: Вятская Губернская Земская Управа считаетъ долгомъ представить вниманію Временнаго Правительства мѣстныя затрудненія по выполненію закона, опубликованнаго двадцатомъ номерѣ Вѣстника Правительства.

Управа признаетъ новыя твердыя цѣны на хлѣбъ для Вятской губерніи весьма низкими. И по ранѣе установленнымъ цѣнамъ хлѣбъ получался только принудительномъ порядкѣ; новыя же цѣны оказались по сравненію съ прежними пониженными въ среднемъ на всей заготовкѣ франко-пристань-станція на десять копѣекъ съ пуда. Въ удаленныхъ же отъ пристаней и станцій мѣстностяхъ при нынѣшней дороговизнѣ провоза фактическая цѣна ржи франко-амбаръ производителя опредѣлится только въ восемьдесять копѣекъ пудъ. При такой цѣнѣ производство хлѣба дѣлается невозможнымъ. Ожидаемъ сокращенія посѣвовъ и опасаемся отказа волостныхъ комитетовъ отъ примѣненія закона. Помимо низкаго размѣра цѣнъ вообще, опубликованныя твердыя цѣны усугубляютъ еще и условія гужевой доставки хлѣба на большихъ разстояніяхъ. Выражаемъ сожалѣніе, что твердыя цѣны были установлены безъ опроса мѣстныхъ людей и выясненія сложившихся условій производства хлѣба. Паньковъ".

Недавно П. И. Паньковъ пріѣзжалъ въ Петроградъ и сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Хлѣбъ въ Вятской губерніи преимущественно находится въ кладяхъ необмолоченный.

Молотьба стоитъ теперь 50 коп. съ пуда. Обмолотъ же въ случаѣ отказа владѣльца хлѣба производится, какъ извѣстно, за его счетъ Продовольственной Управой.

Среднее разстояніе до станцій и пристаней въ Вятской губерніи опредѣляется въ 68-70 верстъ. Наибольшее разстояніе—150 верстъ. При отказѣ же крестьянина везти хлѣбъ, таковой, какъ извѣстно, по закону доставляется на станцію или пристань за счетъ владѣльца хлѣба.

Зимой провозъ стоилъ 1 коп. съ пуда-версты. Теперь берутъ 2 коп. и лѣтомъ ожидается 1½ коп. съ пуда-версты.

При максимальномъ разстояніи расчетъ для даннаго времени таковъ:

стоимость провоза	3 руб.	—	коп.
„ обмолота	— „	50	„
	3 руб.	50	коп.
Уплачивается крестьянину (франко-пристань-станція)	2 руб.	35	коп.

Очевидно, 1 р. 15 коп. крестьянину, владѣльцу хлѣба, придется доплачивать въ казну за каждый отнятый у него пудъ.

При расчетѣ на среднее разстояніе (70 верстъ) результатъ получается болѣе удовлетворительный:

стоимость провоза 1 руб. 40 коп.
„ молотьбы . . . . — „ 50 „

1 руб. 90 коп.

Такимъ образомъ, владѣлецъ хлѣба въ этомъ случаѣ не только гарантированъ отъ прямого убытка, но даже получаетъ за свой хлѣбъ по 45 коп. съ пуда.

V.

Какъ извѣстно, закономъ 25 марта 1917 г. хлѣбъ урожаевъ прежнихъ лѣтъ, 1916 и 1917 г.г. объявленъ собственностью государства, за исключеніемъ количествъ, необходимыхъ для обсѣмененія полей, продовольствія и хозяйственныхъ нуждъ владѣльца. При этомъ на продовольствіе 1 человѣка установлена норма въ 50 фун. зерна въ мѣсяцъ и въ 10 золотниковъ крупы на день.

Каждый владѣлецъ хлѣба обязанъ по первому требованію заявить: „а) количество и мѣсто храненія имѣющихся у него запасовъ хлѣба, б) числа лицъ, подлежащихъ прокормленію за счетъ его хозяйства и в) количество имѣющагося въ его хозяйствѣ скота, а также десятинъ посѣва", послѣ чего устанавливается количество хлѣбовъ, подлежащее сдачѣ, а также порядокъ и срокъ сдачи продовольственнымъ органамъ по твердымъ цѣнамъ. Сдача хлѣба обязательна съ провозомъ на соотвѣтствующую станцію или пристань. При обнаруженіи скрытыхъ запасовъ, таковые реквизируются по половиннымъ цѣнамъ. Продовольственными органами являются губернскіе, уѣздные, городскіе и волостные комитеты, съ крайне пестрымъ, конгломератнымъ составомъ (отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, отъ Крестьянскаго Союза, отъ кооперативовъ, отъ частнаго землевладѣнія, отъ крестьянъ, отъ торгово-промышленнаго класса и проч., и проч.).

Таковы главнѣйшія черты закона 25 марта 1917 г. Здѣсь все странно, все вызываетъ недоумѣніе и чувство тревоги. Здѣсь нѣтъ того, что называется дѣловой постановкой вопроса. Здѣсь нѣтъ устойчивой базы и ни одного нешаткаго положенія.

А прежде всего—для чего и кому была нужна эта монополія, для осуществленія которой требуется цѣлая система насильственныхъ мѣръ по отношенію къ большинству населенія? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: никому!

Предъ нами съ самой осени съ момента уборки хлѣбовъ послѣдняго урожая стоитъ и ждетъ разрѣшенія одинъ вопросъ—вопросъ о хлѣбныхъ заготовкахъ, объ извлеченіи хлѣба отъ его производителей. Если мы не разрѣшимъ этого вопроса теперь же, немедленно, то мы

погибнемъ. И опасность растетъ, погибель наша, можетъ быть, уже близка. Однако, не взирая на эту опасность, и старая власть занималась, и новая власть до сихъ поръ занимается какими угодно вопросами, только не этимъ главнѣйшимъ, единственнымъ, отъ котораго зависитъ все: и судьба нашей родины, и исходъ войны, и, можетъ быть, жизнь большинства населенія. Почему-то, не взирая ни на что, не хотятъ даже передъ лицомъ страшной опасности дать мужику, по выраженію Родичева, „честную" цѣну за его хлѣбъ? Почему-то до сихъ поръ усилія Правительства направляются не столько на заготовку хлѣба, а на споръ и борьбу изъ-за хлѣбныхъ цѣнъ. Почему-то даже въ этотъ отвѣтственный, грозный моментъ, когда смыслъ существованія продовольственныхъ организацій сводится къ усиленію заготовокъ, Правительство, не разрѣшая стоящей предъ нимъ важнѣйшей задачи, взваливаетъ на себя новое, при томъ явно непосильное и, что всего ужаснѣе, никому ненужное дѣло—хлѣбную монополію.

Мнѣ кажется, что исторія не знаетъ закона, болѣе непродуманнаго. Армія и страна ждутъ усиленія хлѣбныхъ заготовокъ, а благодар введенію монополіи самая возможность приступить къ заготовкамъ исключена на нѣсколько мѣсяцевъ. Почти два мѣсяца уже прошло и пройдетъ, можетъ быть, еще не мало мѣсяцевъ, пока со стыдомъ отчаяніемъ дѣятели монополіи признаются, наконецъ, въ своемъ безсиліи выбраться изъ хаоса и повсемѣстной, всероссійской путаницы, которая теперь еще только насаждается, вѣрнѣе только еще готовится къ насажденію.

Представляете ли вы, что значитъ для каждаго владѣльца „объявить" объ имѣющихся у него количествахъ и мѣстѣ запасовъ; о составѣ семьи, о числѣ скота, о площади посѣва съ раздѣленіемъ на хлѣба и проч. и проч.? Для этого нужна особая на каждаго крестьянина учетная вѣдомость. Я не видалъ формы этой вѣдомости, но представляю, какимъ сложнымъ, спорнымъ, иногда прямо невозможнымъ будетъ этотъ учетъ,—напримѣръ, хотя бы въ той же Вятской губерніи, гдѣ почти весь хлѣбъ лежитъ въ кладяхъ необмолоченнымъ. Какъ его взвѣшивать и какъ высчитывать, напримѣръ, сколько ячменя оставить на продовольствіе изъ расчета по 10 золотниковъ на человѣка въ сутки? Какова должна быть работа только по учету каждаго мужика въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ выселкѣ, что это будетъ стоить, сколько времени это займетъ, какая армія писарей и счетчиковъ потребуется и гдѣ эту армію взять? Наконецъ, сколько здѣсь даже при нормальныхъ условіяхъ будетъ недоразумѣній, ошибокъ и, стало быть, протестовъ, пересмотровъ, споровъ, обиды, озлобленія? Когда же, наконецъ, будетъ производиться заготовка хлѣба?

Допустимъ, новые продовольственные органы впослѣдствіи какъ-

нибудь справятся со всѣми трудностями дѣла. Но вотъ теперь, въ данную минуту, какъ же должны удовлетворяться продовольственныя нужды населенія? По ст. 18 закона 25 марта *„до сдачи хлѣба владѣлецъ обязанъ хранить его за свой рискъ и страхъ и нести за сохранность хлѣба гражданскую, а въ подлежащихъ случаяхъ и уголовную отвѣтственность"*. Отсюда ясно, что продажа на сторону запрещена. Но вѣдь жизнь не ждетъ. Какъ же быть тѣмъ, напримѣръ, у кого хлѣбъ отобрала старая власть, и какъ быть вообще тѣмъ, у кого нѣтъ своего хлеба? Покупать? Но покупка невозможна: хлѣбъ — государственная собственность. Ждать, когда позаботится государство? Но вѣдь никакихъ распредѣлительныхъ органовъ еще нѣтъ и будутъ ли они? Есть только бланки учетныхъ вѣдомостей, которыя еще собираются составлять. Нѣтъ и хлѣба. Въ Вятской, напримѣръ, губерніи новыми продовольственными органами съ момента изданія закона 25 марта пока еще не заготовлено ни одного фунта.

Не лишены значенія и нормы потребленія, по расчету коихъ мужику предполагается оставить хлѣба для его собственнаго прокормленія: *10 золотниковъ крупы на 1 день и 50 фунтовъ зерна въ мѣсяцъ.* А. И. Шингаревъ самъ называетъ эти нормы полуголодными, но онъ же говоритъ и то, что жертвы необходимы, говоритъ о какихъ-то законахъ войны, будто бы настойчиво требующихъ проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ странныхъ мѣръ. Необходимость же полученія отъ крестьянъ хлѣба по низкимъ цѣнамъ онъ аргументируетъ такъ: „Если государство въ минуту грозной бѣды, обращаясь къ своему народу, можетъ брать у него дѣтей... то во имя спасенія самого же народа можетъ просить у него отдать ему и хлѣбъ"... Но вѣдь въ этихъ словахъ министра заключается желаніе доказать право государства требовать жертвъ отъ гражданъ, въ этихъ словахъ чувствуется также увѣренность въ томъ, что русскій крестьянинъ способенъ на великіе подвиги самопожертвованія во имя спасенія родины, но гдѣ же здѣсь аргументъ за то, что монополія есть та именно мѣра, которая въ состояніи устранить продовольственную разруху?

Для чего учреждена монополія,—никто не знаетъ. Говорятъ, она давно подготовлялась силою обстоятельствъ, и что оставалось будто бы только завершить процессъ этой подготовки. Пусть такъ, но для чего было завершать ненужное дѣло?

VI.

Монополія сопряжена съ переустройствомъ всей жизни, она обрекаетъ всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу, на приспособленіе къ новымъ волевымъ центрамъ и на страш-

ную, необъятнаго значенія работу осознанія всѣхъ автоматически совершающихся процессовъ, изъ которыхъ складывается повседневная экономическая жизнь, До сего времени мы не замѣчали сложности экономической жизни, она регулировалась какъ бы сама собой, причемъ источникомъ регулирующихъ силъ былъ личный интересъ промышленника, торговца и потребителя. Теперь все это должно быть замѣнено заботами правительственныхъ органовъ. Происходитъ нѣчто похожее на перенесеніе функцій спинного мозга на головной, на превращеніе рефлексовъ въ сознательныя, осмысленныя, заранѣе на каждый случай спроектированныя движенія. Представьте же себѣ, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движеніе прежде, чѣмъ его совершать. Нельзя безъ долгой подготовки, безъ пріобрѣтенія навыковъ и накопленія обширнаго опыта наспѣхъ разрѣшать такую великую задачу, какъ обобществленіе торговли.

Лично меня ужасаетъ смѣлость, съ которой Правительство рѣшилось на изданіе закона 25 марта. Сотрудники же министра, подготовившіе этотъ законъ, повидимому, преисполнены увѣренности и въ успѣхѣ дѣла, и въ своихъ силахъ,—увѣрены настолько, что готовы совершенно отказаться отъ использованія въ какой бы то ни было формѣ частно-торговыхъ аппаратовъ.

„Торговый классъ", значится въ четвертомъ тезисѣ доклада Квашнина-Самарина, одобреннаго Первымъ Областнымъ Московскимъ Совѣщаніемъ по техникѣ прод. дѣла (матеріалы, стр. 65), какъ „имѣющій многовѣковой опытъ торговли, основанной на принципѣ избытка товара и конкуренціи и абсолютно не обладающій въ Россіи достаточной гибкостью и умѣніемъ перестраивать соотвѣтственно съ требованіемъ времени свою организацію, не даетъ основанія для какого-нибудь широкаго его использованія".

Для чего же, однако, вводится монополія? Для чего Правительство взвалило на себя всѣ обязанности по распредѣленію хлѣбовъ между потребителями. Развѣ нельзя было ограничиться установленіемъ болѣе или менѣе справедливыхъ цѣнъ и организаціей добровольной закупки хлѣба для арміи и населенія?

Чрезвычайно характерны для освѣщенія вопроса о твердыхъ цѣнахъ и монополіи слѣдующіе факты.

Въ провинціальной печати встрѣчались сообщенія о какихъ-то сдѣлкахъ на хлѣбъ и продовольственные продукты для Петрограда по высокимъ вольнымъ цѣнамъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ этимъ явленіемъ оказалось, что почти всѣ заготовки Петрогр. губ. зме. Управой произведены по высокимъ вольнымъ цѣнамъ и что, по увѣренію лицъ, занимавшихся заготовками, только благодаря такому методу заготовокъ, Петроградская губ. не осталась безъ продуктовъ. Оказалось

также, что для уловленія продуктовъ и заключенія сдѣлокъ приходилось затрачивать значительныя суммы на угощенія и попойки съ шампанскимъ, женщинами, цыганами и проч. Оказалось, что и Московская Губ. Управа производила заготовки по тому же методу, при чемъ въ февралѣ, незадолго передъ революціей она покупала пшеничную муку не по твердой цѣнѣ, а по 29 р. 50 к. и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 32 руб. за пятерикъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что твердыя цѣны, какъ обряды для авгуровъ, въ глазахъ общественныхъ дѣятелей, занимающихся продовольственными заготовками, являются предметомъ лишь наружнаго, лицемѣрнаго почитанія. Серьезно же къ нимъ никто относиться не хотѣлъ и не хочетъ, при чемъ продовольственныя потребности населенія попрежнему въ значительной мѣрѣ удовлетворяются нелегальными услугами частной торговли, которая, конечно, включаетъ теперь въ продажную цѣну не только ростовщическій процентъ прибыли, но и премію за рискъ. Экономисты же, стоящіе на позиціи твердыхъ цѣнъ и монополіи, къ сожалѣнію, не въ состояніи усмотрѣть въ этомъ явленіи ничего, кромѣ своей правоты.

Выше я уже упоминалъ о томъ, что сторонники принудительныхъ мѣръ въ продовольственномъ дѣлѣ указываютъ на необычайное будто бы обиліе денегъ въ деревнѣ и на проистекающую отсюда невозможность будто бы расчитывать на добровольную закупку хлѣба у крестьянъ. Это совершенно не вѣрно. Денегъ въ деревнѣ не такъ много. Напротивъ, деревня нуждается въ деньгахъ, потому что притокъ ихъ черезъ заработки слабъ — некому въ деревнѣ зарабатывать деньги: почти всѣ взрослые трудоспособные люди на войнѣ, а малые и старые нужны дома. Правда, солдаткамъ идетъ паекъ, но вѣдь этотъ паекъ не покрываетъ и ничтожной части потребностей. Крестьянскій корреспондентъ „Вѣстника Рязанскаго Г. Земства" (1917 г., № 1) пишетъ: „говорятъ, въ деревнѣ деньги есть. Есть, но у кого? у солдатокъ бездѣтныхъ, которыя и казенное пособіе получаютъ, и на сторонѣ („въ наймахъ") хорошо зарабатываютъ, а расходовъ никакихъ нѣтъ" (1917 г., № 1, стр. 65).

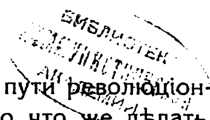
VII.

Нормировка хлѣбныхъ цѣнъ и принудительныя мѣры по отношенію къ производителю хлѣба при полной свободѣ дѣйствій для всѣхъ видовъ промышленниковъ и торговцевъ, конечно, была бы вопіющей несправедливостью. Это признаютъ и сторонники хлѣбной монополіи, признаетъ это и А. И. Шингаревъ, но онъ утверждаетъ при этомъ, что рядомъ съ нормировкой хлѣбныхъ цѣнъ и хлѣбной монополіей будетъ организовано снабженіе деревни необходимыми пред-

метами потребленія. Вотъ это-то обѣщаніе дать деревнѣ необходимые для нея предметы и является оправданіемъ принудительныхъ мѣръ по отношенію къ земледѣльцу. Но осуществимо ли это обѣщаніе? Вѣдь для того, чтобы снабжать деревню необходимыми предметами народнаго потребленія (желѣзо, керосинъ, чай, сахаръ, ситецъ, соль, спички, табакъ, посуда, кожи, обувь и проч.), государство должно взять въ руки не только торговлю, но и промышленность, т. е., опять взвалить на себя новую, еще болѣе страшную обузу, безъ всякой надежды справиться съ ней... и для чего? Неужели только для того, чтобы удержаться на уровнѣ исчисленныхъ по Громановскимъ „научнымъ методамъ" твердыхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Конечно, нельзя серьезно говорить о снабженіи государствомъ всего крестьянства необходимыми предметами потребленія, а между тѣмъ населеніе можетъ серьезно повѣрить обѣщаніямъ и очень серьезно потребовать исполненія этихъ обѣщаній, что при дальнѣйшей дезорганизаціи жизни вызоветъ такія послѣдствія, какія теперь мы и представить не можемъ.

Было время, когда государство смѣло бралось вотъ за такія именно задачи, и мы знаемъ, къ чему привела эта смѣлость. Неужели же, имѣя передъ собой предостерегающій урокъ исторіи, мы не остановимся въ раздумьи передъ этимъ урокомъ?

Я имѣю въ виду опытъ установленія твердыхъ хлѣбныхъ цѣнъ во время великой французской революціи. Вмѣшательство государства въ хлѣбную торговлю въ концѣ 18-го вѣка во Франціи началось запретами вывоза хлѣба изъ одного департамента въ другой. Слѣдствіемъ этого было вздорожаніе продуктовъ, которому способствовали закупки, производившіяся правительствомъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Указомъ 4 мая 1793 г. всѣмъ гражданамъ было предписано объявить (!), сколько у каждаго имѣется запасовъ. При обнаруженіи скрытыхъ запасовъ послѣдніе подлежали конфискаціи. Въ теченіе первой половины 1793 г. были установлены твердыя цѣны на хлѣбъ, а во второй половинѣ того же года твердыя цѣны распространились уже не только на продукты питанія, но, кромѣ того, даже на мануфактуру и уголь. Послѣдствія этихъ мѣръ были болѣе чѣмъ печальны. По свидѣтельству Жиро, они убивали земледѣліе, душили торговлю и уничтожали промышленность. Въ прокламаціи 1794 г. къ народу конвентъ говоритъ: „Чѣмъ строже примѣнялся этотъ законъ, тѣмъ неисполнительнѣе онъ становился... народъ всячески уклонялся отъ исполненія его, и законъ едва успѣвалъ вырывать посредствомъ жестокихъ и ненавистныхъ мѣръ ничтожные запасы, которые вскорѣ совсѣмъ изсякли"... „Полный голодъ былъ бы неминуемымъ послѣдствіемъ этого закона, если бы Конвентъ, отмѣнивъ его, не порвалъ путы, наложенные закономъ на промышленность".

Конечно, итти въ продовольственномъ дѣлѣ по пути революціоннаго правительства Франціи 18 вѣка не слѣдуетъ. Но что же дѣлать, гдѣ выходъ, гдѣ избавленіе отъ страшной опасности голода среди изобилія? Какъ добыть хлѣбъ, какъ наладить, наконецъ, дѣло снабженія продовольственными продуктами арміи и населенія?

Мнѣ кажется, надо дѣлать все то, что можетъ усилить и ускорить заготовку хлѣба, не отвлекаясь никакими другими привходящими цѣлями и не останавливаясь ни передъ какими расходами и усиліями, а для этого прежде всего, какъ я уже говорилъ выше, надо привлечь организаціи самихъ крестьянъ, которыя сумѣютъ дѣлу заготовокъ придать характеръ служенія родинѣ, сумѣютъ и повліять на крестьянство въ смыслѣ предоставленія излишковъ въ распоряженіе государства, сумѣютъ и настоять на выполненіи этого общественнаго долга. Но дѣло заготовокъ такъ запущено, нужда въ хлѣбѣ такъ велика, что, конечно, надо, кромѣ крестьянскихъ организацій привлечь и всѣ другія наличныя силы: кооперативы, сельско-хозяйственныя общества, хлѣботорговыя фирмы и другія организаціи, располагающія контингентомъ работниковъ и необходимыми помѣщеніями для складовъ и конторъ. На всѣ эти организаціи необходимо возложить какъ закупку хлѣба, такъ и транспортированіе его въ центральные склады. Кромѣ того, конечно, должны дѣлать то же дѣло (закупку и транспортированіе хлѣба) и командированные для сего правительственные чиновники и земства и мѣстныя самоуправленія—по тому плану и въ томъ порядкѣ, какіе будутъ установлены правительствомъ.

Заготовка должна быть, конечно, добровольной и производиться по цѣнамъ, которыя будутъ установлены правительствомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ во всякомъ случаѣ покрывали себѣстоимость хлѣба и были достаточно выгодны для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи крестьянское населеніе, какъ я въ этомъ глубоко убѣжденъ, не будетъ предъявлять чрезмѣрныхъ требованій. Можетъ быть, окажется возможнымъ сохранить уровень существующихъ (твердыхъ) цѣнъ, при условіи оплаты провоза до пристаней и станцій и другихъ мѣстъ ссыпки хлѣба. Провозъ же хлѣба необходимо оплачивать по нескупнымъ нормамъ, дабы побудить крестьянъ охотно исполнять эту необходимую работу по доставкѣ хлѣба къ складамъ, особенно въ виду крайняго недостатка перевозочныхъ средствъ. Для этой цѣли въ каждой губерніи должны быть точно указаны пункты доставки для каждаго района.

VIII.

Монополію и систему принудительнаго отчужденія хлѣба у крестьянъ слѣдуетъ немедленно отмѣнить, тѣмъ болѣе, что фактически законъ о монополіи и реквизиціяхъ крестьянскаго хлѣба не имѣетъ и

не можетъ имѣть примѣненія. Хлѣбъ хотя и считается государственной собственностью, хотя за сохранность его владѣлецъ несетъ и гражданскую, и уголовную отвѣтственность, хотя послѣдній по закону не то, что продать сосѣду, но даже нищему подать не въ правѣ,— все-таки хлѣбъ по сіе время всюду свободно продается, какъ будто о казенной хлѣбной монополіи и рѣчи не было. И это понятно, это неизбѣжно, потому что съ момента опубликованія закона о монополіи потребность населенія въ хлѣбѣ можетъ удовлетворяться только нелегальными путями. И въ самомъ дѣлѣ, при наличности, съ одной стороны, запрета частныхъ сдѣлокъ на хлѣбъ и съ другой—при отсутствіи налаженнаго казеннаго распредѣлительнаго аппарата,—какъ и откуда могутъ получать теперь хлѣбъ хотя бы тѣ же крестьяне, у которыхъ урожай отобранъ старымъ правительствомъ или у которыхъ просто не хватаетъ своего хлѣба? Раньше эти крестьяне могли бы занять хлѣбъ у сосѣдей, купить на базарѣ или по бѣдности получить какъ милостыню. Нынѣ нельзя по закону ни продавать хлѣбъ, ни взаймы давать, ни даромъ уступать бѣднякамъ: по закону каждый производитель хлѣба долженъ везти его на пристань или станцію иногда за десятки верстъ, а голодающему сосѣду ни за какія деньги и ни при какихъ обстоятельствахъ не въ правѣ уступить своего хлѣба (ставшаго казеннымъ) подъ страхомъ гражданской и даже уголовной отвѣтственности.

Ясно, какъ Божій день, что законъ, ставящій гражданъ въ столь тяжкое, безвыходное и нелѣпое положеніе, не можетъ быть популярнымъ. Жизнь уже осудила этотъ законъ, и упорствовать въ осуществленіи его было бы и несправедливо, и опасно, и вредно въ смыслѣ государственныхъ интересовъ...

Но вѣдь хлѣбъ крестьяне все-таки везутъ по твердымъ цѣнамъ и послѣ объявленія монополіи. Мало того—жертвуютъ на нужды арміи. Изъ многихъ мѣстъ приходили вѣсти о томъ, что крестьяне обѣщаютъ отдать странѣ всѣ излишки своихъ запасовъ, слышны были даже такія слова: „зальемъ фронтъ хлѣбомъ". Все это такъ. Однако, подобные факты, свидѣтельствуя о высокомъ патріотическомъ порывѣ русскаго крестьянства, способнаго передъ лицомъ угрожающей родинѣ величайшей опасности забывать свои личные интересы, все-таки отнюдь не обѣщаютъ благополучнаго разрѣшенія вопроса о заготовкахъ. Нельзя экономическія мѣропріятія строить исключительно на чувствѣ патріотизма и неразумно, эксплоатируя его, подвергать это чувство такимъ испытаніямъ, какимъ оно до сихъ поръ подвергалось продовольственной политикой правительства. Хлѣбъ крестьяне везутъ, но въ общемъ привозъ слишкомъ малъ, особенно теперь, за время монополіи. Въ № 1 „Воли Народа" приведены цифры закупокъ по недѣлямъ, изъ которыхъ видно, что

13—20 марта закуплено	 22,9	милл.	пуд.
20—27 „ „	. 11,8	„	„
27— 3 апрѣля „	2,1	„	„
3—10 „ „	. . 2,8	„	„
10—11 „ „	 5,0	„	„

Есть еще хлѣбъ (повидимому, въ небольшихъ количествахъ) скопившійся за зиму на пристаняхъ. Теперь онъ идетъ на баржахъ. Но это уже послѣдній рессурсъ, послѣдняя отсрочка, которая, м. б., еще дастъ намъ возможность избѣжать катастрофы, если мы сумѣемъ ею воспользоваться...

На этомъ можно было бы закончить статью, но меня спрашиваютъ: а спекуляція? какъ вы обуздаете спекуляцію, если остается возможность работы для скупщиковъ? Конечно, я могъ бы воспользоваться правомъ отвода, такъ какъ борьба съ спекуляціей — совершенно особый вопросъ, не имѣющій прямого отношенія къ монополіи, котораго я сознательно не затрагивалъ въ этой статьѣ, но, можетъ быть, правомъ этимъ все-таки лучше не пользоваться и сказать по вопросу о спекуляціи нѣсколько словъ.

До сего времени развитію спекуляціи обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали, потому что частные торговцы все время снабжали и снабжаютъ продуктами обывателей (а также и общественныя закупочныя организаціи) нелегально, изъ-подъ полы, подъ опасностію реквизицій и взысканій, за что и взимали, и взимаютъ дикіе поборы подъ разными предлогами, а въ томъ числѣ и за претерпѣваемый якобы страхъ, и за рискъ, и „за безчестье“ являть себя во образѣ мародеровъ. При этомъ каждая новая ограничительная или запретительная мѣра правительства въ области продовольствія сказывалась усиленіемъ спекуляціи, исчезновеніемъ продуктовъ съ рынка и повышеніемъ цѣнъ. Было бы очень интересно прослѣдить рѣзкіе скачки базарныхъ цѣнъ на хлѣбъ послѣ установленія твердыхъ цѣнъ въ сентябрѣ 1916 года, но за недостаткомъ мѣста я воздерживаюсь отъ этого. Думаю и надѣюсь, никто не будетъ спорить противъ этого, — что отмѣна существующей системы въ продовольственномъ дѣлѣ можетъ не способствовать, а препятствовать развитію спекуляцій. Такимъ образомъ хуже того, что есть, едва ли можетъ быть [1]).

Борьба со спекуляціей — слишкомъ сложный вопросъ, чтобы возможно было выяснить и исчерпать его въ послѣсловіи къ статьѣ, по-

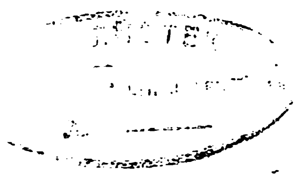
[1]) До какой высоты доходятъ теперь спекулятивныя цѣны на хлѣбные продукты хотя бы здѣсь, въ Петроградѣ, я не знаю, но овесъ продается по цѣнамъ отъ 12 до 16 рублей. за пудъ, а въ Москвѣ были покупки по 21 руб. за пудъ.

священной совсѣмъ другой темѣ. Скажу лишь, что правительство, располагающее всей полнотой власти, можетъ сдѣлать очень многое въ этой области—вплоть до полнаго воспрещенія подъ страхомъ уголовной отвѣтственности частныхъ сдѣлокъ на продовольственные продукты (чего я отнюдь не предлагаю) и до воспрещенія пріема къ отправкѣ по желѣзнымъ дорогамъ частныхъ продовольственныхъ грузовъ (чего я опять-таки отнюдь не предлагаю), потому что даже и такія крутыя мѣры, въ корнѣ уничтожающія самую возможность частно-торговыхъ сдѣлокъ, все-таки не монополія, все-таки не тотъ безумный планъ взять на учетъ и подъ бюрократическій контроль государства повседневную экономическую жизнь всѣхъ и каждаго, который представляетъ собой рѣдкій случай массоваго психоза, все-таки это не Угрюмъ-Бурчеевская фантазія, по ироніи судьбы осуществляемая демократическимъ правительствомъ свободной страны!

И. Сиговъ.

Май 1917 года.
Петроградъ.

Типографія П. П. Гершунина, Петроградъ, Коломенская 43.